Е.М.Юхименко

Письменные источники "Истории о отцах и страдальцах соловецких" Семена Денисова

"История о отцах и страдальцах соловецких", принадлежащая перу талантливого выговского писателя первой половины ХУШ в. Семена Денисова, в течение двух веков оставалась единственным широко известным, причем не только в старообрядческой читательской среде[1], литературным памятником, повествующим об осаде Соловецкого монастыря 1668-1676 гг. Круг источников, на основании которых создавалась старообрядческая история Соловецкой осады, давно привлекал внимание исследователей. В дореволюционной историографии решение этого вопроса ограничивалось обобщенной, часто односторонней характеристикой устных источников "Истории"[2]. Работы последнего времени, напротив, уделяют большее внимание письменным источникам сочинения Семена Денисова, рассматривая в качестве таковых некоторые агиографические и ранние старообряд-

---

1 См.: Сырцов И.Я. Возмущение соловецких монахов-старообрядцев в ХУП в. Кострома, 1888. С. 7-8; Молчанов А. Бунт соловецких монахов и его значение для раскола вообще и в частности для раскола поморского // Памятная книжка Архангельской губернии на 1909 г. Архангельск, 1909. С. 19.

2 См.: Бровкович А. Описание некоторых сочинений, написанных русскими раскольниками в пользу раскола. СПб., 1861. Ч. I. С.110; Максимов С.В. Рассказы из истории старообрядства по раскольничьим рукописям. СПб., 1861. С. 108; Макарий /Булгаков/. История русского раскола, известного под именем старообрядства. СПб., 1855. С. 197, прим. 349, с. 251, прим. 451.

ческие памятники[3].

Недостаточная изученность проблемы источников, являющейся одной из основных при анализе "Истории о отцах и страдальцах соловецких" как литературного памятника и исторического сочинения, позволила определить тему данной статьи: установление более полного круга письменных источников "Истории", характеристика их использования и на этой основе решение вопроса о соотношении письменных и устных источников сочинения Семена Денисова о Соловецкой осаде.

Свой труд выговский автор предваряет замечанием об источниках: он описывает "самыя деяния отец, яже от различьных списателей собрахом, яже от уст самобывших во время разорения обители в воинстве слышахом, яже от оставших соловецких отец известно научихомся"[4]. Повествование начинается изложением истории Соловецкого монастыря, представляющей собой, по мнению старообрядческого писателя, предысторию выступления соловецкой братии в защиту старой веры. Рассказ о более чем двухвековой истории обители весьма краток - это не описание событий, а скорее перечисление прославивших монастырь подвижников. Краткость посвященного соловецким чудотворцам, настоятелям и пустынникам текста не позволяет подробно проследить характер использования источников. На некоторые из них Семен Денисов ссылается сам: "книга жития преподобною отцу, и житие Филиппа митрополита, и житие преподобнаго Диодора, началника Юрьегорскаго" (с. 157).

---

[3] Бубнов Н.Ю. Неизвестная челобитная дьякона Игнатия Соловецкого царю Федору Алексеевичу // Рукописное наследие Древней Руси. Л., 1972. С. 106-107; Повесть об осаде Соловецкого монастыря / Подг. текста и коммент. Н.В.Понырко и Е.М.Юхименко //ПЛДР. XVII в. Кн. I. М., 1988. С. 628-630, 634-636; Старовратова С.К. К вопро-

См. продолж. сн.

До установления полной истории текста "Жития Зосимы и Савватия Соловецких" трудно сказать, какой именно редакцией памятника пользовался Семен Денисов (вполне вероятно, что этот вопрос вообще не может быть прояснен вследствие чрезвычайной краткости рассказа о соловецких подвижниках в "Истории"). Очевидно лишь то, что выговский автор располагал списком (или списками) жития с полным описанием чудес, откуда были взяты сведения об Иоанне и Василии пономаре[5].

В связи с использованием Семеном Денисовым древнерусских сочинений о Зосиме и Савватии Соловецких следует остановиться на проблеме, которая касается названной выговским писателем даты поселения Савватия на Соловецком острове: "начало жития во отоце преподобный отец Саватий произведе в лето 6928 (1420)" (с. 156).

Продолж. сн. 3.

су об источниках "Истории об отцах и страдальцах соловецких" Семена Денисова // Публицистика и исторические сочинения периода феодализма. Новосибирск, 1989. С. 145-157. Последнюю из названных работ следует, на наш взгляд, рассматривать главным образом как постановку вопроса, поскольку автор, не ставя перед собой задачи выявления всего круга возможных источников, лишь подтверждает использование в "Истории" тех житийных нестарообрядческих памятников, которые названы самим Семеном Денисовым.

4 ПЛДР. XVII в. Кн. I. М., 1988. С. 156. Далее ссылки на страницы этого издания приводятся в тексте после цитаты.

5 В "Слове воспоминательном о святых чудотворцах, в России воссиявших" Семен Денисов упоминает чудеса Зосимы, собранные Досифеем и литературно обработанные Спиридоном-Саввою - чудо о просфоре, предсказание казни бояр и проречение "о дворе болярыни" (см.: БАН, Калик. II, л. 42 об.-43). Сведения об Иоанне и Василии взяты из трех чудес: об Анисиме, впадшем в недуг, о беснующемся иноке Викентии (написаны в первой половине XVI в. соловецким игуменом

См. продолж. сн.

"Житие Зосимы и Савватия", не называя точной даты, относит приход Савватия на Соловки ко времени княжения великого князя московского Василия Темного[6]. Согласно житию, обитель была основана Зосимой в 1436 г., через год после смерти Савватия, о времени пребывания которого на острове говорится неопределенно[7]. "Соловецкий летописец" сообщает о шестилетнем пребывании Савватия и Германа на Соловках, откуда, видимо, и получается дата их прихода на остров - 1429 г.[8]

Отнесение времени поселения Савватия на Соловецком острове к более раннему периоду, а именно, к 1420 г., характерно для всей выговской традиции, не только для сочинения Семена Денисова[9]. Вероятно, выговцы опирались на сведения, вошедшие в "Написание о Соловецкой обители", входящее в цикл произведений, посвященных описанию строительных работ на Соловках при игумене Филиппе. В

Продолж. сн. 5.

Вассианом), о явлении старцу Леваниду (относится к 1538 г., принадлежит перу митрополита Филиппа, в 1548 г. дополнившего житие новыми чудесами).

[6] См.: Великие Минеи Четьи. Апрель, дни 8-21. М., 1912. Стлб. 503; Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 202. Василий Темный занимал великокняжеский престол с 1425 по 1462 г.

[7] Великие Минеи Четьи... Стбл. 503, 515.

[8] См.: ГИМ, Востр. 1220, л. 229 (выговский список первой половины XVIII в.); ГБЛ, ф. 205, № 132, л. 1 об.; ф. 178, № 10314, л. 1об.

[9] С 1420 г., года основания Соловецкого монастыря, начинается повествование Выговских летописцев. См.: Выгорецкий летописец // Братское слово. М., 1888. № 10. С. 795; ГБЛ, ф. 98, № 900, л. 1 и другие списки.

этом сочинении указывается, что Савватий, прожив на Соловках вместе со старцем Германом I5 лет, преставился 27 сентября 1434 (6943) г.[I0]; таким образом, при вычитании I5 лет от даты смерти по летоисчислению от сотворения мира получается 6928 г., т.е. I420 г. Аналогичные сведения содержатся также в небольшом сочинении Андрея Денисова "О житии преподобных отец наших Зосимы и Саватия, вкратце собранное..."[II]. Что же касается "Истории о отцах и страдальцах соловецких", то тут источники, использованные Семеном Денисовым, вступают в противоречие: вслед за "Написанием о Соловецкой обители" приход Савватия на Соловки отнесен к I420 г. и в то же время говорится, на основании "Жития Зосимы и Савватия", что это произошло "при благочестивом князе Василии Василиевиче" (с. I56), тогда как Василий Темный, родившийся в I4I5 г., вступил на княжеский престол в I425 г., после смерти своего отца великого князя Василия Дмитриевича.

Использование Семеном Денисовым "Жития митрополита Филиппа", если бы не имелось указания самого автора, было бы весьма трудно доказать, поскольку в "Истории" сведения о Филиппе предельно общи (с. I57). Обращает на себя внимание то, что в данном сочинении не упомянут основной подвиг митрополита Филиппа - его мученическая смерть, хотя в "Слове воспоминательном о святых чудотворцах, в России воссиявших" Семен Денисов прославляет главным образом обличение митрополитом Филиппом "неправедного начинания" царя, за что святитель и принял мученическую кончину[I2]. В этом, на наш взгляд, нашла отражение общая тенденция автора "Истории" - стремление затушевать, обойти молчанием конфликт восставших соловлян с царской властью.

I0 ГБЛ, ф. 722, № 254, л. I68 об.

II ГБЛ, ф. I7, № 387, л. 288 об. - 289.

I2 БАН, Калик. II, л. 54-54 об.

"Житие Диодора Юрьегорского" послужило Семену Денисову источником для краткого повествования о Диодоре, соловецком постриженнике, затем основателе Юрьегорского монастыря на Водлозере, в Олонецком уезде, а также о пустынножителе Андрее[13]. В первой половине ХУП в. к выписанным из "Жития Диодора Юрьегорского" рассказам о Диодоре и Андрее был добавлен ряд написанных очевидцами повестей о соловецких пустынниках[14]. Семен Денисов мог воспользоваться и таким, дополненным списком, поскольку повествование о Диодоре и Андрее в "Истории" он заключает замечанием о том, что "к сим и прочии безчисленнии общежители, велиции постницы и пустыннии безмолвницы Соловецкаго отока, яко пресветлыя звезды, просияша" (с. 157).

Помимо названных соловецких подвижников в "Истории о отцах и страдальцах соловецких" упоминаются Иоанн и Логгин Яренгские, "бывшая киновии служебника"; "Иаков игумен многотрудный и чюдного стеноздания соградитель", Иринарх "игумен и дивный пустынножитель" (с. 157). Скорее всего, Семен Денисов опирался на известный выговским книжникам "Соловецкий летописец"[15], поскольку именно в нем нашла отражение позднейшая легенда о связи Иоанна и Логгина с Соловецким монастырем[16], сообщается, что при игумене

---

[13] Сравн. повествование "Истории" (с. 157) со сведениями "Жития Диодора Юрьегорского" (БАН, Друж. 181 (220), л. 131 об., 140 об., 148 об.-149 об., 136-138 об. - выговский список второй половины ХУШ в.).

[14] Ключевский В.О. Древнерусские жития... С. 327.

[15] Обширные выписки из "Соловецкого летописца" вошли в состав выговского авторского сборника-конволюта 20-40-х гг. ХУШ в. (ГИМ, Востр. 1220, л. 229-236 об. Скоропись Василия Данилова).

[16] ГИМ, Востр. 1220, л. 231. О позднейшем происхождении этой легенды, отсутствующей в "Сказании о Иоанне и Логгине Яренгских", см.: Дмитриев Л.А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы ХШ-ХУП вв. Л., 1973. С. 217.

Иакове "для опасения немецких воинских людей по указу государеву обложен около монастыря Соловецкого город каменной"[17]. Но "Соловецкий летописец", называющий Иринарха среди игуменов соловецких, не упоминает о его подвиге пустынножительства[18], не содержит таких сведений также ни "Сказание о отце Иринархе", ни тропарь и молитва преподобному[19]. Возможно, Семен Денисов опирался на устное предание или на неизвестный нам памятник.

Чтобы завершить рассмотрение "Соловецкого летописца" как одного из источников "Истории", необходимо обратиться к той его части, которая посвящена осаде монастыря. Учитывая различный подход старообрядческого сочинения о Соловецком "сидении" и официального "Соловецкого летописца" к описываемым событиям, следует указать на отсутствие в произведении Семена Денисова ряда фактов, упоминаемых составителем (или составителями) летописца: приезд на Соловки для увещания братии ярославского архимандрита Сергия, взятие к Москве ссыльного князя Михаила Львова и келаря Савватия Обрютина, выбор старца Азария келарем, а черного попа Геронтия казначеем осажденного монастыря[20]. Принимая во внимание несовпадение фактографической стороны "Соловецкого летописца" и "Истории о отцах и страдальцах соловецких", касающейся событий осады, и очень незначительную близость сообщений данных памятников о воеводах, руководивших осадой обители[21], обусловленную, возможно, общей исторической основой, следует сделать вывод, что Семен Денисов взял из "Соловецкого летописца" лишь сведения по

---

17 ГИМ, Востр. 1220, л. 231 об.-232.

18 Там же, л. 232 об.; ГБЛ, ф. 344, № 143, л. 176.

19 См., например: ГИМ, Увар. 1937/886/744, л.31, 34 об.-35, 36-45об.

20 ГИМ, Востр. 1220, л. 233 об.-234.

21 Сравн. сведения "Истории" (с. 163, 165-166) с текстом "Соловецкого летописца" (ГИМ, Востр. 1220, л. 234-234 об.).

ранней истории монастыря и не счел возможным воспользоваться той частью памятника, которая совпадала с предметом его собственного исторического повествования.

Вполне естественно ожидать, что опора Семена Денисова на памятники раннего старообрядчества была более основательной.

Среди событий, предшествовавших "запору" монастыря, автор "Истории о отцах и страдальцах соловецких" называет подачу соловецкими иноками челобитной царю Алексею Михайловичу: "Отцы же соловецтии, совет общесоборне сотворше, написаша к царю молительное прошение, в нем же моляху самодержца, да ослабит им по отеческим уставом во отечестем стяжании жити" (с. 161). Как известно, на протяжении 1666-1667 гг. соловляне отправили царю целый ряд челобитных как с жалобами на действия духовных властей, так и с изложением своей позиции по отношению к церковным нововведениям[22]. Среди последних выделяется так называемая Пятая соловецкая челобитная, содержащая развернутое изложение основ старообрядчества и получившая широкое распространение в среде приверженцев древнего благочестия. Несмотря на то, что "История" передает текст Пятой челобитной в очень кратком пересказе, можно обнаружить несколько близких текстовых конструкций: "молим твою, великого государя, благочестивую державу и плачимся вси, со слезами милости просим"[23], сравн. "Историю": "моляху, просяху, увещеваху самодержца" (с. 162); "...чтоб нам под запрещением и клятвою святых отец не быть... Аще ли твой, великого государя, помазанника Божия и царя, гнев на нас, грешных, излиется..."[24], сравн. "Историю": "заеже не подъпасти под отческия клятвы. Аще и гнев царев зельно разъжжется на ня..." (с. 162).

---

[22] Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1878. Т. 3. №№ XIV, XV, XXX, XXXI, XXXVII, XLIII, XLV.

[23] Там же. С. 260.

[24] Там же. С. 261.

В связи с использованием Семеном Денисовым Пятой соловецкой челобитной возникают два вопроса: почему в "Истории" упоминается лишь об одной челобитной, тогда как выговский автор имел гораздо более полное представление о соловецкой публицистике начала восстания, и почему подача той челобитной, содержание которой пересказывает Семен Денисов, приписывается им Александру Стукалову.

Излагая Пятую соловецкую челобитную, Семен Денисов утверждает, что это "молительное прошение" было принято на монастырском соборе ("совет общесоборне сотворше" - с. 161), и следовательно, должно было быть "за руками". Существует предположение, что Четвертая и Пятая челобитные были написаны одновременно и отправлены в Москву - "заручная" Четвертая для подачи царю, и Пятая, носящая, по замечанию Н.Ю.Бубнова, "менее официальный характер", - для распространения в среде единоверцев[25]. Упоминание Семена Денисова, знакомого по крайней мере с текстами двух соловецких челобитных[26], лишь об одной из них может быть соотнесено с показаниями документальных источников. В свидетельствах высланных из монастыря 9 декабря 1668 г. чернца Исидора и черного дьякона

---

[25] Бубнов Н.Ю. Писатели-старообрядцы Соловецкого монастыря // Книга и книготорговля в России в XVI-XVIII вв. Л., 1984. С. 43.

[26] Четыре публицистических памятника, созданных на Соловках накануне осады, - Четвертая и Пятая челобитные, "Скаска" и "Отписка", поданные соловлянами сотнику московских стрельцов В.Чадуеву, вошли в составленную на Выгу в начале XVIII в. подборку сочинений о Соловецком восстании. См.: ГБЛ, ф. 238, № 2. Сборник в 8° на 76 л. датируется концом XVII - началом XVIII в. Почерк рукописи близок к скорописи Андрея Денисова (воспроизведение его почерка см.: Дружинин В.Г. Несколько автографов писателей-старообрядцев. СПб., 1915 (ОЛДП. Т. 134). Табл. VI, VII),

Пахомия, участников событий, приложивших руку к челобитной, обращает на себя внимание то, что они, как и Семен Денисов, говорят о существовании лишь одной "заручной" челобитной[27], поэтому вполне возможно, что автор "Истории" подобные же сведения, почерпнутые из устных источников, отнес к той челобитной, которую мы называем Пятой, поскольку именно она представляла развернутое и доказательное изложение позиции соловецкой братии в деле защиты старой веры.

В сентябре 1667 г. в Москву был послан челобитчиком старец Кирилл Чаплин, причем были, видимо, обе (Четвертая и Пятая) челобитные[28]. Указание на это содержится также в заглавии ряда списков той и другой челобитной[29]. Следует предположить, что Семену Денисову списки Пятой челобитной были известны в варианте без указания имени Кирилла, поскольку, согласно "Истории", "молительное прошение" в Москву повез старец Александр Стукалов. Действительно, соборный старец Александр Стукалов выступал в роли челобитчика, но он ездил в Москву годом ранее и с челобитной о смене архимандрита Варфоломея[30]. На Соловки Александр Стукалов не вернулся, до братии дошли слухи о его заточении в один из московских монастырей. Об исключительном беспокойстве соловлян

---

27 ЦГАДА, ф. 210, оп. 13, № 375, л. 86, 87.

28 См.: Материалы... Т. 3. С. 286, 287; Барсков Я.Л. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912 (Летопись занятий имп. Археографической комиссии за 1911 г. Вып. 24). С. 126-127, 134.

29 См., например: Описание РО БАН. Т. 7. Вып. 1. Сочинения писателей-старообрядцев XVII в. /Сост. Н.Ю.Бубнов. Л., 1984. С. 107, 113, 142, 160; 33, 41, 57, 86, 91, 97, 107, 109, 119 и др.

30 Материалы... Т. 3. С. 182, 189-190; ЦГАДА, ф. 27, № 553, л. 1-2.

за судьбу Александра Стукалова как никого другого из многочисленных соловецких челобитчиков свидетельствуют сохранившиеся документальные материалы[31]. Вполне возможно, что устная традиция, на которую опирался автор "Истории", также отразила факт посылки Александра Стукалова в Москву челобитчиком, и Семен Денисов, не имея по этой части других источников, сам соединил имя Александра Стукалова с подачей Пятой челобитной.

В своем повествовании о Соловецкой осаде Семен Денисов не упоминает ни келаря Азария, ни казначея Геронтия, имена которых названы в первых строках Пятой челобитной и которые в действительности сыграли важную роль на начальном этапе восстания. Либо у Семена Денисова не было о них никаких дополнительных сведения, либо, напротив, выговскому писателю была известна их дальнейшая судьба (конфликт Геронтия со сторонниками вооруженного сопротивления царскому войску, заточение его в тюрьму и высылка из монастыря 17 сентября 1674 г., а также высылка Азария и принесенное им в Сумском остроге раскаяние), что могло заставить автора "Истории о отцах и страдальцах соловецких" умолчать об этих персонажах соловецкой истории.

На материале "Истории" можно проследить использование Семеном Денисовым еще одного публицистического сочинения соловецких иноков - "Скаски", написанной в монастыре по приезде сотника В.Чадуева (23 февраля 1668 г.) и продолжающей полемическую линию Четвертой и Пятой челобитных; она завершается рассуждениями, имеющими принципиальный характер для трактовки подвига старообрядческих мучеников: никониане "мучение и страдание наше за имя Бо-

---

[31] Там же, С. 179-187. См. также письма к Александру Стукалову чернцов Абросима Сетного и Иева Щербака и бельца Фаддея Петрова от сентября - октября 1667 г. из Соловецкого монастыря (ЦГАДА, ф. 27, № 553, л. 3-4).

жие и за православную веру страдавших хулят и почитают всуе; но убо мы своему терпению упование, образ и написание (имамы) святых мученик, седьми братий по плоти, Маккавея, яко они за едино точию отеческое предание, за неядение свиных мяс, от Антиоха мучителя пострадавше, вечнаго блаженства от Бога с мученики сподоблени быша: и то кольми паче за имя единороднаго Сына Божия и за всю истинную православную веру и за животворящий крест Господень?"[32] Данный эпизод библейской истории привлекался для доказательства святости старообрядческих мучеников авторами других сочинений раннего старообрядчества, например, дьяконом Федором[33] и иноком Евфросином[34], но зависимость текста "Истории" именно от "Скаски" соловецких иноков не вызывает сомнения: "И аще Маккавеи оны, иже за свиная мяса пострадаша, с мученики причтошася, коль паче сии, иже за церковное православие, за святыя отеческия законы, за преподобных чюдотворцев предания благоревностно пострадавшии, святых мученик лику сопричтутся" (с. 183).

Помимо полемических произведений, созданных в стенах Соловецкого монастыря накануне и в начале осады, Семен Денисов опирался на ряд старообрядческих сочинений, содержавших ценные фактические сведения о некоторых соловецких событиях.

---

[32] Материалы... Т. 3. С. 310.

[33] Материалы... Т. 6. С. 137. Тот же эпизод библейской истории приводит дьякон Федор в "Послании сыну Максиму", однако этот пример не является у него единственным, из которого непосредственно вытекал бы вывод о святости старообрядческих мучеников (Там же. С. 211).

[34] Отразительное писание против новоизобретенного способа самоубийственных смертей /Сообщ. Хр.Лопарев. СПб., 1895 (ПДП. Т. 158). С. 68.

"Возвещение от сына духовнаго ко отцу духовному" было направлено из Москвы в Пустозерск протопопу Аввакуму в конце мая - начале июня 1676 г. и содержало описание последних дней жизни царя Алексея Михайловича[35]. В этом послании впервые смерть царя была представлена как возмездие за расправу над Соловецким монастырем. Дьякон Игнатий в челобитной царю Федору Алексеевичу от 5 октября 1676 г., видимо, на основании дошедших до него устных рассказов (сам он покинул монастырь перед началом восстания), описывает мучения и казни соловецких старцев[36]. Дьякон Федор Иванов, направляя из пустозерской тюрьмы в конце 1670-х гг. послание сыну Максиму и "прочим сродникам и братьям по вере" с характеристикой соловецких событий, с одной стороны, опирался на сведения указанных выше сочинений, а с другой - использовал еще один (устный) источник - рассказы соловецких трудников, сосланных в Пустозерск ("и того лета прислано к нам в Пусто-озерье в сылку Соловецкаго монастыря того десять человек трудников, и от них уразумехом..")[37]

Все три названные произведения имеют единую фактическую основу и взаимозависимы, поэтому выявление источников "Истории" возможно лишь при сравнительном анализе всех этих сочинений[38].

---

[35] Бубнов Н.Ю., Демкова Н.С. Вновь найденное послание из Москвы в Пустозерск "Возвещение от сына духовнаго ко отцу духовному" и ответ протопопа Аввакума (1676 г.) // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 127-150 (публикация текста: С. 142-147).

[36] Бубнов Н.Ю. Неизвестная челобитная... С. 92-114.

[37] Материалы... Т. 6. С. 94.

[38] Хотя в литературе и отмечался факт использования Семеном Денисовым челобитной Игнатия Соловецкого и послания дьякона Федора (см.: Бубнов Н.Ю. Неизвестная челобитная... С. 106-107; Повесть об осаде Соловецкого монастыря... С. 628, 634), однако характер и степень этого использования не получили должной разработки.

Прежде всего обращает на себя внимание то, что только автор "Возвещения" называет конкретные даты болезни и смерти царя: "Царя у нас Алексея в животе не стало февраля в 29 день числа, в нощи 4-го часа, на тридесятое число в субботу против воскресения... А скорбь-та ево взяла того же февраля назад в 23-м числе"[39]. Указывается и дата падения монастыря: "А взяли, де, монастырь февраля в 23-м числе" (л. 2 об.). Московский корреспондент протопопа Аввакума связывает оба этих события, рассматривая болезнь и смерть царя как возмездие за разгром обители: "Как бы не Соловките, не чаять бы и смерти ему. А то сия артель крепко стали против ево, и по смерти своей немного дали дыхать" (л. 3). "История о отцах и страдальцах соловецких", продолжая эту же традицию, относит смерть Алексея Михайловича и падение монастыря к одному дню - 29 января, причем обитель была взята "в I-й час мясопустныя суботы" (с. 176), а царь умер "в 8-й час того дня" (с. 177), болезнь же приключилась "за седмицу до разорения киновии" (с.175). В "Возвещении" ошибочно указан месяц - февраль[40], возможно, Семен Денисов располагал точными (относительно месяца) сведениями устного характера или скорректировал дату, указанную в "Возвещении", по челобитной дьякона Игнатия: "пострадаша в лето 7184 месяца геньваря в 20 день в суботу мясопустную"[41].

Дьякон Федор опускает подробности течения царской болезни,

---

[39] Бубнов Н.Ю., Демкова Н.С. Вновь найденное послание... С. 142 (л. I). Далее ссылка на листы опубликованной рукописи дается сразу после цитаты. В действительности монастырь был взят 22 января 1676 г. См.: Материалы... Т. 3. С. 350, 354.

[40] Об этом см.: Бубнов Н.Ю., Демкова Н.С. Вновь найденное послание... С. 131.

[41] Бубнов Н.Ю. Неизвестная челобитная... С. III. Далее ссылка на страницы этого издания приводится в тексте после цитаты.

о которых сообщал протопопу Аввакуму его московский корреспондент, писавший: "А царь-ет до смерти-тое за день - за другой крепко тосковал, четверг-от и пятницу-ту, да без зазору кричал..." (л. 7 об.). В этой связи обращает на себя внимание параллельное чтение в "Истории": "В четверток тоя седмицы ухвати самодержца болезнь зело крепка, знамение дающи смерти..." (с. 176).

Еще один факт, описанный в "Возвещении", не был упомянут дьяконом Федором - приезд соловецкого гонца в Москву: "После умертвия тово царева вскоре приезжал гонец от Соловков с победою, лист привез к царскому лицу: "Счастием, де, твоим пособил Бог: монастырь взяли и всех под мечь подклонили..." (л. 2 об.). О царском посланце в обитель духовный сын протопопа Аввакума пишет: "Да на дороге вестник стретил, что и тех (соловецких старцев. - Е.Ю.) в животе несть" (л. 8). У дьякона Федора изложена другая версия: "Гонцы же оба на пути сретостася и сказаста друг другу, чего ради послана, и без пользы возвратишася кождо во своя"[42]. Семен Денисов следует за "Возвещением": "И яко оба гонца на Вологде сретостася, ов прощение обители радостно ношаше, ов разорения тоя плачевно поведаша, и к царьствующему граду обратишася" (с. 177).

Отмеченные случаи прямой зависимости повествования Семена Денисова от текста "Возвещения" могут быть дополнены. Автор послания сообщает протопопу Аввакуму о судьбе соловецких "сидельцев": "Человек за пять сот порубили, а десятков с шесть повесили, все иноков" (л. 2 об.). О количестве повешенных (60 человек) не упоминает ни Игнатий Соловецкий, ни дьякон Федор, тогда как в "Истории" находим: Мещеринов "повеле прочия из-за караула привести, иноки и бельцы, числом яко до шестидесятих, и различно испытав... повесити вся завеща..." (с. 173), далее следует заимствованное из челобитной дьякона Игнатия описание данного вида

---

[42] Материалы... Т. 6. С. 220.

казни.

Использование челобитной дьякона Игнатия царю Федору Алексеевичу подтверждается текстологической близостью целого ряда фрагментов сочинений соловецкого выходца и "Истории". Прежде всего это касается описания различных казней, которым подверглись соловецкие старцы:

Челобитная Игнатия	"История"
Овых на крюках железных за ребра повешающе, умучаху люте, они же, аки незлобивые агнцы противу стригущим стояще, кротко отвещеваху к слуге мучителеву злочестива судища, глаголюще тихо, показующе рукою своею к своим ребром, повелевающе палачю ребра своя прорезовати боле и шире. Иных за руце повешаху и тако сконьчеваху, овых за нозе, овых за полы пресекше, а тамо же мертваго тела составы повешаху (с. 109).	Повесити сия завеща, овыя за выю, овыя же за ноги, овыя же, и множайшыя, междоребрия острым железом прорезавше и крюком продевшым, на нем обесити, каждаго на своем крюке. Блаженнии же страдальцы с радостию выю в вервь вдеваху, с радосьтию ноги к небесным тещи уготовляху, с радостию ребра на прорезание дающе и широчайше спекулатором прорезати повелевающе (с. 173).
Болных же отцов святых, которыя лежали в болницах на одрех неисходно многолетно в скорбех и от великаго труда не двинутися могуще, и тех двоих спинами вместе связавше и за нозе вервьми, тако влечеху на лютом мразе на море на лед. А овы, иердани просекше не насквозь	И понеже здравых не обрет, повеле болящия (о, жестоты нрава!) изводити и испытовати... И зане от многолетных трудов и подвигов со одра двизатися немогущия, новейшую страсть непреподобный умышляет: по двема вместо хребтами связати и вервию зп нозе оцепити повеле, сице на брег морский вла-

до воды, но аки на Богоявление в день на водоосвящение бывает. ...Наполнивше иердань связанных спинами вместо болных отцев. Абие воду во иердань пропущаху и тако отцы во иердани ново крещахуся, на мразе конец житию приимаху (с. 109-110).	чити во единых свитках немилостивно и на леде во время лютаго мраза оставляти, овыя же, иордан пресекше, не насквозь, но подобием богоявленскаго водоосвящения, и наполнивше таковыми связаными болничных отец, воду пропущаху. И тако в престуденой оней воде, на трескущем леде, всельютейшим давимы мразом, блаженнии они трудницы, померзаемым и леденеемым истаяным плотем их и к леду примерзающим, благодарно терпяще, конец жития приимаху (с. 173-174).
Иных к коньскому хьвосту привязавше ногами и тако влачаху, сконьчевахуся (с. 110).	Иныя же от отец зверосердечный мучитель, за ноги вервию оцепивше, к конським хвостом привязати повеле, безъмилостивьно по отоку и влачити, дондеже души испустят сии (с. 173).

Из сочинения Игнатия Соловецкого Семен Денисов заимствует и предсказание соловецкими отцами смерти царя Алексея Михайловича и воеводы Мещеринова:

Челобитная Игнатия	"История"
"Домой скорее, - пророчески рекоша, - нас отпускай скорее, да и большак за нами тотчас будет". ...И едино еще слово сие прорекоша: "Паси же ся и сам ты, мучитель, за нами	Мнози от сих воеводе дерзновенно вопияху: "Аще сладостно ти есть видение наше умертвие, о человече, что медлиши! Отпусти нас [от] странствия настоящаго жития к будущему, никогда же ветшающему и

вскоре". Последнее пророческое слово изрекоша, с ним же бывающим тако (с. IIO).	преходящему дому, яко и государь царь немедленно за нами будет, и ты сам, томителю, готовися на суд божий с нами, кровосеяний твоих пожинати рукояти!" Кал словеса преподобных отец помеле делом совершишася (с. I74).

Еще один эпизод "Истории о отцах и страдальцах соловецких" - встреча соловецкими старцами царского войска у ворот покоренного монастыря - также восходит к челобитной дьякона Игнатия:

Челобитная Игнатия	"История"
...отцы бо мои изыдоша в сретение им со святыми и честными образми, приимающе, яко истиннаго своего серьдоболя, радостно и усердно. Он, проклятый, разгордевся на божий образ, повеле образы поотмати отец моих безчестно и руганно, их же, исповедьников, сурово и гордо смерти предавати (с.IIO).	Отцы же веру емше лису тому, собравшеся, изыдоша во сретение с честными кресты и святыми иконами. Сей же (Мещеринов. - Е.Ю.), забыв обещание, преступи и клятву; повеле воином иконы и кресты отъяти, иноки же вся и бельцы за караул по келиям розвести (с. I7I).

При указании на количество пострадавших в Соловецком монастыре Семен Денисов основывается на данных Игнатия:

Челобитная Игнатия	"История"
Количьства же их 300 и множае, инии же глаголют пять сот (с. III).	Их же число вящше трех сот и к четырем стом приближашеся, или до пятих сот, якό нецин глаголаша, доходдаше (с. I74).

Автор "Истории о отцах и страдальцах соловецких", как видно из приведенных примеров, довольно точно следует тексту источни-

ка; свободное владение материалом позволяет ему располагать заимствованные эпизоды в соответствии с композицией своего произведения.

Сложнее обстоит дело с "Посланием сыну Максиму" дьякона Федора. Автор этого сочинения использовал факты, сообщенные в "Возвещении", которое само послужило источником "Истории". Семен Денисов, следуя собственному художественному замыслу, производил выборку нужных сведений и стилистическую обработку, поэтому в случае полного совпадения сведений "Возвещения" и "Послания сыну Максиму" установить непосредственный источник соответствующего фрагмента "Истории" не представляется возможным (случаи, когда факты, изложенные в "Возвещении" и опущенные дьяконом Федором при пересказе, нашли отражение в "Истории", были проанализированы выше). Например, в обоих произведениях имеется рассказ о явлении умирающему царю Алексею Михайловичу соловецких старцев, которые, по его словам, "пилами трут кости моя и всяким оружием раздробляют составы моя"[43]. Семен Денисов, сохраняя эпизод предсмертного явления царю, наполняет его другим содержанием: "Рекоша же, яко и чюдотворца соловецкая (т.е. Зосима и Савватий. - Е.Ю.) явишася самодержцу, молиста ослабити обители их" (с. 175). Этот пример весьма показателен для характера использования литературных источников автором "Истории о отцах и страдальцах".

Помимо известий, полученных протопопом Аввакумом из Москвы, дьякон Федор включил в свое послание и новые сведения, относящиеся к соловецким событиям; анализ данного пласта текста в сравнении с "Историей" позволяет утверждать, что Семен Денисов использовал в качестве источника и "Послание сыну Максиму". Из этого сочинения заимствуются сведения об архимандрите Никаноре.

---

[43] См.: Бубнов Н.Ю., Демкова Н.С. Вновь найденное послание... С. 147 (л. 8); Материалы... Т. 6. С. 219-220.

Бывший архимандрит Саввино-Сторожевского монастыря в Звенигороде, Никанор был фигурой, хорошо известной в среде раннего старообрядчества[44]. В послании дьякон Федор называет его царским духовником ("Никонор преподобный архимандрит и многолетный старец, иже и отец бе ему, царю Алексею")[45]. Этот нигде более не находящий подтверждения факт сообщает и Семен Денисов: "Муж сий духовнаго разсуждения и духовник царев" (с. 161). Среди событий, предшествовавших "запору" монастыря, автор "Истории" упоминает вызов архимандрит Никанора царским указом в Москву после церковного собора 1666-1667 г., на котором Никанор принес раскаяние, но затем, вернувшись на Соловки, он испросил у братии прощение. Семен Денисов пишет: "Прииде от царя указ в киновию, Никанора зовущь к Москве. Но соловецтии отцы, яко же он не восхоте ехати, тако и сии посланному его не выдаша" (с. 163).

Факт вызова Никанора в Москву после 21 сентября 1667 г. по источникам не известен[46]. Вполне возможно, что Семен Денисов мог в какой-то мере опираться в данном случае на "Послание сыну Максиму", в котором дьякон Федор рассматривает события собора 1666-1667 г. и соловецкой осады в кругу аналогий из библейской и всемирной истории, в частности, проводит параллель между Со-

---

[44] Среди бумаг, отобранных у игумена Феоктиста, значилось послание протопопа Аввакума к Никанору в Соловецкий монастырь (Материалы... Т.1. С. 338, № 86).

[45] Материалы... Т. 6. С. 220. "Многолетность" Никанора Семен Денисов подчеркивал такой деталью: Мещеринов "призвати повеле архимандрита Никонора, иже от старости и трудов молитвопредстояния многолетными ногама ходити не можаше, но на малых саночках посланныи, везуще, привезоша" (с. 171).

[46] Известно, что Никанор дважды вызывался в Москву в первой половине 1666 г. (см.: Материалы... Т. 3. С. 43, 73).

ловками и обителью Саввы Освященного: "Един токмо правоверный архимандрит остася Сава Освященный во обители своей, яко же и у нас в Соловецком монастыре благочестивый архимандрит же Никонор с братиею, и к царю на совет нечестивых не прииде..."[47]. Можно предположить, что данный отрывок из "Послания сыну Максиму" дьякона Федора оказал влияние на повествование Семена Денисова, хотя не следует исключать и возможность использования устных источников.

Рассматриваемое сочинение дьякона Федора послужило для автора "Истории о отцах и страдальцах соловецких" также источником сведений о предательстве чернца Феоктиста: "Того же монастыря чернец Феоктист некто перекинулся к Мещерскому Ивану в полк и указал тайное окно на стене, и ту пусти врагов обстоящих. И тако предал им святую ту обитель свой враг"[48]. Семен Денисов дополнил краткое сообщение пустозерского узника топографическими и фактическими подробностями, которые стали ему известны из устных источников.

Сравнительный анализ текстов "Истории", "Возвещения от сына духовнаго ко отцу духовному", челобитной дьякона Игнатия царю Федору Алексеевичу и "Послания сыну Максиму" дьякона Федора свидетельствует о том, что все три указанных памятника раннего старообрядчества послужили источниками для выговской повести о Соловецкой осаде, а также позволяет выявить характер использования Семеном Денисовым литературных источников. Если из челобитной Игнатия выговский автор выбирает все фрагменты, касающиеся соло-

[47] Материалы... Т. 6. С. 215.

[48] Там же. С. 94. Следует отметить, что, работая над "Виноградом Российским", Семен Денисов использовал "Послание сыну Максиму" при написании глав о самом дьяконе Федоре и о Спиридоне Потемкине (Сравн.: Материалы... Т. 6. С. 231-233; Денисов С. Виноград Российский. М., 1906. Л. 22, 38 об.-39).

вецких событий, и передает их почти дословно, то с двумя другими произведениями отношения "Истории" более сложны и в то же время более показательны в плане отражения в творчестве Семена Денисова особенностей выговской литературной школы.

Семен Денисов опускает все натуралистические подробности смерти царя, даже те, которые счел необходимым сохранить в своем послании дьякон Федор: "И по смерти его той же час гной злосмрадный изыде из него всеми чувствы, и затыкаше хлопчатою бумагою, и едва возмогоша погребсти его в землю"[49]. В "Истории" кончина царя описана с некоторым сожалением и в эпических тонах: "...государь царь оставляет венец своего царствия, оставляет и власть миродержания и смертию от сего жития (о, слез!) умирает" (с.177). Семен Денисов опускает прямую речь, например при описании явления царю Алексею Михайловичу соловецких старцев. Эти особенности использования источников обусловлены следованием автора принципам выговской литературной школы с ее ориентацией на возвышенную стилистику, исключение из повествования бытовых деталей.

В "Возвещении" московский корреспондент протопопа Аввакума точно называет даты болезни и смерти царя и взятия монастыря и как возмездие царю за надругательство над православной обителью рассматривает лишь то, что Алексей Михайлович внезапно заболел после падения Соловков. Дьякон Федор, также использовавший "Возвещение", более склонен считать расплатой саму смерть царя, поэтому он пишет: "Но в то время самыя болезни его взят бысть монастырь и разорен"[50]. Семен Денисов идет еще дальше: чтобы подчеркнуть, что смерть царя Алексея Михайловича не что иное, как божия кара за расправу над соловецкими иноками, выговский автор относит падение монастыря и кончину царя к одному дню - 29 янва-

---

[49] Материалы... Т. 6. С. 220.

[50] Там же. С. 220.

ря 1676 г., отражая последовательность событий лишь во времени суток: монастырь был взят в 1-й час дня, в 8-й час наступила смерть царя. Что касается сюжета о кончине царя (в отличие, скажем, от описания мучений соловецких старцев), то причину некоторого переосмысления источников следует видеть в изменившемся к первой четверти XVIII в. отношении старообрядчества, в частности выговского, к царской власти[51], что требовало переработки ранних старообрядческих источников.

В "Возвещении", принадлежащем перу очевидца, ничего не сообщается о роли патриарха Иоакима в событиях 23-29 января 1676 г., главным действующим лицом выступает царь Алексей Михайлович, относительно дальнейшей судьбы Соловков говорится лишь то, что вопреки устному распоряжению нового царя патриарх Иоаким приказал оставшихся соловлян приводить в новую веру. Дьякон Федор дополняет свой источник более развернутой характеристикой главы церковной иерархии: "Патриарх же Яким, отступник отеческаго благочестия и паршивый пастырь, не восхоте тому быти и приказал поновому вся творити, стыда ради своего..."[52].

Семен Денисов подчеркивает, что именно патриарх Иоаким, не разрешивший послать гонца с прощением соловецким старцам, повинен как в разорении монастыря, так и в смерти царя: "Виде тогда государь своего пастыря, не давающа целителного пластыря, но здравию его содевающа спону, от нея же утлачется путь к смертному гробу" (с. 176). Семен Денисов частично снимает с царя вину за взятие обители, поскольку именно Алексей Михайлович своей болей "милость показа к соловецким отцем": "Ниже патриарха, ниже

[51] Новые исторические условия существования старообрядчества, задачи сохранения общежительства ставили выговцев перед необходимостью более лояльного отношения к царской власти.

[52] Материалы... Т. 6. С. 221.

ины от духовных вопросив, но своею властию, своим произволением восхоте милость излияти ко огорченным нуждником" (с. 176). Своеобразие позиции выговского писателя, далекой не только от исторической правды, но и от использованных источников, наиболее очевидно при сравнении "Истории" с челобитной Игнатия Соловецкого, который писал о царе Алексее Михайловиче: "Царь же... люто и яро на нас, бедных, возъярися и, аки люты зверь, неукротимо возлютися... И сие суровое и жестокое дело гневно начинает и яряся совершает, и своему царству вечное безчестие и укор сим делом сотворяет, паче же и от жития сего посекаемь бывает безвремянно" (с. 108).

Большинство рассмотренных выше сочинений посвящено главным образом отдельным событиям или персонажам Соловецкой осады и представляют собой памятники делового, эпистолярного или публицистического жанра, которые создавались либо непосредственно в разгар событий, либо вскоре после них. Семен Денисов создает литературное произведение на сравнительно большом временном удалении, причем старается дать полное описание всей истории осады, а не отдельных ее моментов. Во вступлении к "Истории" выговский писатель называет свой литературный труд "трудом любоснискания", "трудом собрания" (с. 155). Справедливость этого замечания подтверждается анализом источников повести. Из тех немногочисленных памятников, которые существовали к XVIII в., Семен Денисов извлек почти все вошедшие в них конкретные исторические сведения. Он не воспользовался лишь несколькими сочинениями (к тому же у нас нет оснований утверждать, что все они были ему известны): "Повестью Ипатия, инока соловецкого"[53] и "Чудом Зосимы и Савватия"[54], опи-

[53] Дружинин В.Г. Писания русских старообрядцев. СПб., 1912. С. 177
Эта повесть, описывающая чудо, происшедшее 20 июня 1667 г., действительно, как и указывает ее автор, была создана вскоре после

См. продолж. сн.

сывающими чудеса, происходившие в начальный период осады (эти сюжеты могли не вполне соответствовать художественному замыслу произведения)[55], а также небольшим произведением о бывшем соловецком слуге Кондратии, излагавшим его прения с никонианскими властями в Москве и собственно к истории осады не относящимся[56].

Продолж. сн. 53

видения ("сия видех и написах чтущим на ползу и спасение" - БАН, Друж. 178 (216), л. 126 об.). Это находит подтверждение в документальных свидетельствах. Дьячок Семен Иванов сын Калашников, высланный из Соловецкого монастыря 9 декабря 1668 г., в расспросных речах перед воеводой И.Волоховым показал, что в число "воров заводчиков" входит "чернец Ипатей, тот сказывает: видение во снах видит, и иные такие же воры прикладны к ним и сказывают, что во снах видения видят, и такую душепагубную прелесть сказывают и складывают и пишут на столбцах и на тетратех и простым людем на соборе чтут, а збирают собор для того нарочно и тем их соблазняют и прелщают в свою душепагубную прелесть" (ЦГАДА, ф. 210, оп.13, № 375, л. 84). Примечательно, что высланные 18 июня 1669 г. из Соловецкого монастыря старцы и мирские люди, а также ссыльные греки среди "к мятежу пущих заводчиков" называли и "Ипата чюдесника" (ЦГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669 г., № 5, л. 18).

54 Изд.: Ромодановская Е.К. Сочинение современника о начале Соловецкого восстания // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 194-199.

55 Эти чудеса, чрезвычайно характерные именно для начального периода осады, описаны в произведениях, тогда же созданных. Включение их в общую историю осады, когда уже был известен ее печальный конец, требовало бы объяснений, почему эти чудеса по сути дела не сбылись.

56 Это произведение известно в двух списках: ГБЛ, ф. 247, № 518, л. 55 об.-56 (начало XVIII в., скоропись Андрея Денисова); БАН, Тек. пост. 411, л. 51 об.-52 (60-е гг. XVIII в.).

Те немногие сведения, которые Семену Денисову удалось извлечь из письменных памятников, касаются лишь отдельных эпизодов осады (смерть царя, казнь соловецких старцев, некоторые персонажи) и не могли составить основу повествования. Они позволяли лишь дополнить ту общую картину, которая сложилась у выговского писателя на основании изучения устных источников, поэтому в "Истории о отцах и страдальцах соловецких" отразилось главным образом то, что "достоверных усты... изъобразися" (с. 175); именно эта сторона произведения - фиксация свидетельств и воспоминаний участников и очевидцев, преданий и легенд об осаде Соловецкого монастыря, широко бытовавших на Севере России, - представляет наибольшую ценность. Данный аспект изучения сочинения Семена Денисова может составить предмет самостоятельной работы.